

ДРАГОЉУБ ПЕТРОВИЋ, СНЕЖАНА ГУДУРИЋ,
ФОНОЛОГИЈА СРПСКОГА ЈЕЗИКА

Београд: Институт за српски језик САНУ – Нови Сад: Матица
српска – Београд: Београдска књига, 2010. – 542 стр.

Прекрасно изданна, богато иллустрована схемама, палатограмима, спектрограмима и таблицама, солидног објема – ова књига била долгожданом и стала једном из првих српских радова, посвећених потпуном фонолошком описанию савременог српског језика. Обширна библиографија, укључујућа околом 300 наименований, сведочевају не само об ерудицији аутора, но и об огромној раду, проделаној по сабирању материјала, его осмыслению и толкованию. Књига састоји из Введения (с. 15–50) и двух частей основной темы: первая – Фонетика (с. 53–293) и вторая – Фонологија (с. 295–489).

Во введении авторы рассматривают различные этапы становления литературного сербского языка: период совместного существования хорватского и сербского языков, с одной стороны, и роль различных сербских диалектов, с другой стороны. В результате, придя к выводу о «сербской сущности» хорватского языка, авторы в дальнейшем широко используют работы хорватских лингвистов при рассмотрении вопросов сербской фонетики и фонологии.

Књига оказалась намного шире своего названия, поскольку здесь оказалась представленной и вся морфемика сербского языка; в то же время сюда помещена не только фонетика сербского языка, но и общая фонетика, при чем, с информацией не только о физиологии речевого аппарата и с формулами Гельмгольца для акустической фонетики, но и разделом из фонологии и логопедии. Разумеется, что авторы вправе сами выбирать объем и границы описываемой фонетики. Мы живем в море звуков живой и неживой природы, и, конечно, акустическая фонетика как раздел физики, изучение раз-

личного вида шумов, мешающих при радиосвязи, не является предметом лингвистики. Лингвиста интересуют только звуки человеческой речи, звуки конкретного языка. Ведь всякий язык – это прежде всего звуковой язык: не случайно еще древние греки называли свой язык «элленикэ фонэ», и фонетика любого языка – это его основа и опытное поле для лингвиста, поскольку здесь нагляднее всего можно видеть, как работает язык как система, где все взаимосвязано и взаимообусловлено. Поэтому вызывает недоумение утверждение авторов книги (со ссылкой на Д. Брозовича, с. 306), что «фонетика лишь вспомогательная дисциплина в науке о языке». Это справедливо для акустики как раздела физики, для медицинской фонетики и даже для инструментальной, поскольку лингвистика не ставит своей целью изучение конкретных звуков отдельного человека, а приборы, записывающие эти звуки, давно уже превысили возможности человеческого восприятия и отмечают такие тонкости, которые позволяют говорить о невозможности повторения одного и того же звука одним и тем же говорящим. Но ведь не всякая фонетика – вспомогательная дисциплина. Та фонетика, которая является основной дисциплиной лингвистики, это прежде всего функциональная фонетика, это те звуки, которые знают и замечают все носители языка, потому что этими звуками различаются слова, именно такие звуки-различители и называются фонемами. Конечно, сам термин «фонема» появился лишь в XX веке, но стихийными фонологами были уже создатели алфавитного письма: первоначально каждая буква была соотносима с такими звуками-различителями, и лишь с течением времени буквы стали отдаляться от таких звуков. Реформа Вука Караджича придала фонемный статус сербской графике. Это и есть та «фонологическая решетка», о которой так удачно вспомнили авторы книги, говоря о том, что это решетка представляет систему фонем, усвоенных в родном языке, по отношению к системе фонем изучаемого чужого языка (с. 54).

Остается только пожалеть, что раздел о сербской письменности не включен в данную книгу, хотя сербская орфография упоминается, когда речь идет о сербском слогоделении (с. 347, 348 и другие). При этом не делается различия между понятиями «закон» и «правило»: законы в природе и в языке действуют самостоятельно и не зависят от воли человека: ему дана только возможность открывать и изучать эти законы: физический закон, что вода кипит при ста градусах, фонетический закон, что глухой звук перед звонким меняется на звонкий и т. п. Правила же устанавливаются людьми;

так, слогоделением в каждом языке управляют законы, а переносы из строки в строку на письме управляются правилами, которые могут не совпадать с законами о слогоделении. Одни и те же фонетические законы мены глухого на звонкий перед следующим звонким существуют и в русском, и в сербском языке, но правила передачи этой мены на письме в каждом языке свои: в сербском передаем позиционный вариант фонемы и пишем глухую букву перед глухим или звонкую перед звонким, а в русском пишем основной вид фонемы, т. е. букву, которая передает звучание этой фонемы перед гласной. Отсюда следует, что можно отождествлять звуки и буквы в сербском языке, но звук и букву путать нельзя в русском языке. Поэтому нельзя, например, говорить о четырехчленной группе согласных на конце слова в русском языке в слове «искусств», где 4 буквы, но только 3 звука: [стф] или «богатств»: [цтф] (с. 424).

Здесь важно отметить, что благодаря очень тщательному и детальному описанию позиционных аллофонов сербских фонем, которые даны в этой книге, напр. с. 328–329, позиционные аллофоны фонемы /н/ – смягченный носовой – палатальный носовой – заднеязычный носовой и слоговой носовой в словах «*анђео*», «*станчић*», «*танка*» и «*еркондиин*», мы видим, что далеко не все позиционные аллофоны передает сербская орфография, но только те позиционные варианты, которые совпадают с основным видом одной из сербских фонем; для других звуков в сербской графике просто нет соответствующих букв, да они (эти позиционные звуки) и не замечаются самими говорящими. Таким образом фонемный принцип сербской графики в сочетании с фонетическим (позиционным) принципом сербской орфографии передает далеко не все звуки сербского языка, но лишь те, которые, благодаря своему совпадению с буквами-фонемами, замечаются, т. е. слышатся говорящими. Поэтому не так уж просто правило Вука: «пиши как говоришь...».

Особое внимание авторы посвятили сербскому ударению: его преобразованиям от музыкального к экспираторному. Здесь авторам нельзя отказать в научной смелости, ибо порой они вступают в научные дискуссии и полемизируют с такими признанными авторитетами сербской лингвистики, как А. Белич или М. Московлевич. При этом они сами предлагают свои, далеко не бесспорные толкования или ссылаются на такие же не бесспорные утверждения других авторов. Различия – уже в самом подходе к проблеме сербского ударения у Белича и его противников. Согласно А. Беличу, литературному сербскому языку надо учить говорящих: надо

поддерживать старые нормы произношения и не спешить с признанием новых произносительных норм, потому что, как говорил великий русский лингвист Е. Д. Поливанов, прогресс в литературном языке заключается в том, чтобы как можно меньше изменяться. Ведь чем медленней меняется литературный язык, тем он богаче, тем больше литературных памятников на этом языке. И задача лингвиста, ученого – затормозить эти изменения, предпочесть старую норму возникшим инновациям. Конечно, цитируемое авторами замечание П. Ивича (с. 369), что «сопротивление грамматиста не в силах остановить этот процесс», – справедливо, но нормализатор-лингвист в силах его замедлить, затормозить. И именно это и пытались сделать А. Белич и М. Московлевич в отношении сербского ударения. Ведь сами авторы монографии признаются, что потеря музыкального ударения наблюдается прежде всего в молодежных радио- и телепередачах, тогда как Белич ссылаясь как на образцовое – на сценическое произношение, которому надо специально учиться. Авторы данной книги упрекают Белича и его сторонников в «отсутствии реализма при взгляде на проблемы стандартной сербской просодии» (с. 373), но скорее в этом следует видеть стремление ученого не просто фиксировать статус-кво современного сербского языка, но бороться (в отличие от авторов монографии) за сохранение старой, исчезающей нормы.

Данная книга при углубленном подходе ее авторов к вопросам сербской акцентологии вызывает на размышления о причинах зафиксированных ими процессов изменений в этой области. Сейчас, к сожалению, общая тенденция к демократизации привела к плебизации и русского, и сербского языков: каждый носитель языка считает, что говорить языком толпы – показатель демократичности говорящего: теперь не Элиза Дулитл должна учиться литературному языку, а профессор Хигинс должен говорить языком Элизы Дулитл. Другая причина исчезновения музыкальности в сербском ударении – это достаточно долгое функционирование сербскохорватского языка как языка межнационального. Ведь музыкальное ударение – это период функционирования языка внутри одной этнической группы. Как только язык начинает распространяться за пределы одного этноса, он упрощается. Так и греческий язык потерял свое ударение, став койнэ для всей империи Александра Македонского. Для восстановления и дальнейшего сохранения музыкального сербского ударения сейчас как никогда важна нормирующая роль школы.

Еще одна важная заслуга рассматриваемой книги: читая ее, задумываешься о месте и роли в системе сербского литературного

языка так называемой разговорной речи. В русской лингвистике вопросами изучения разговорной речи (РР) и определением ее места по отношению к кодифицированному литературному русскому языку (КЛЯ) начали заниматься еще в 60-х годах прошлого века, хотя ее первооткрывателем по праву должен считаться Р. Кошутич. Важно отметить, что РР не считается нарушением норм литературного языка; такой тип произношения связан в первую очередь с убыстренным темпом говорения в ситуации неофициального общения, когда участники разговора понимают друг друга буквально с полуслова. Хотя авторы книги ничего не говорят о сербской РР, тем не менее они зафиксировали случаи ее употребления, говоря о редукции заударных гласных (с. 383–384), из-за которой может дойти и до омонимии форм: напр. пос(е)тили – постили, или пирьтске касете (из пиратске/пиротске, т. е. из Пирота). Другой случай дан в примечании на с. 370; авторы отмечают, что в записи речи самого Белича многие заударные долготы сокращены, несмотря на то, что сам он отмечал их везде очень точно. Именно в таких случаях надо четко противопоставить публичную официальную речь и случаи с РР. Сюда же следует отнести и случаи выпадения заударного «а» перед «о» при «более свободной реализации стандартного сербского языка», как это изящно сказано в книге на с. 397: примеры – *їе-вао>їево, гошао>гошо*.

В связи с этими последними примерами следует особо остановиться на случаях трактовки в работе так называемого беглого «а» в сербском языке. Авторы предлагают для него фонологическую трактовку как «нулевой фонемы» (с. 427): примеры – *с/#/на – сан, з/#/ла – зао* и т. п.¹) Сам термин достаточно спорен, более точно было бы говорить о нулевой реализации фонемы, но это возможно лишь при условии толкования фонемы как ряда позиционно чередующихся звуков, т. е. как парадигмо-фонемы Московской фонологической школы. Авторы же придерживаются яacobсоновского толкования фонемы как пучка ДП (дифференциальных или дистинктивных признаков). Таким образом, фонема для них – это синтагматическая единица, а отсюда следует, что в случае нейтрализации такая фонема может терять часть этих дистинктивных признаков, но она не может стать нулем признаков: где нет признаков – там нет фонемы. Значит, следовало бы признать за беглым «а» статус парадигмо-фонемы, где представлено позиционное чередование нуля звука со

¹ Знак # в книге означает ноль звука, тогда как знак Ø означает нулевую морфему.

звуком [a]. Однако авторы относят эти случаи к морфонологическим явлениям, связывая нулевую реализацию фонемы «а» с наличием последующей грамматической морфемы (с. 487); так например: добар+Ø, но доб/#/р+а, т. е. в форме, где присутствует беглое «а», там на конце имеем нулевую грамматическую морфему, а там, где нулевая реализация беглого «а», там на конце – ненулевая грамматическая морфема «а»; или в случае с «*дошао*»/»*дошла*» схема будет [a]+ [o]+ Ø, но [#]+[л]+а, причем сюда добавляется еще и чередование о/л. Еще больше нулей получается, если рассмотреть чередования «*до*» – «*дола*» или «*го*» – «*гола*» : здесь в первом слове каждой пары перед нулевой грамматической морфемой окончания появляется еще и нулевая реализация фонемы /л/, которая таким образом включает в себя следующий ряд чередований: [л] – [о] – [#]. Не слишком ли сложное это построение? Может быть, стоило в таких случаях ограничиться понятием позиционного чередования в одной и той же морфеме? Авторы приводят примеры классических позиционных чередований по глухости/звонкости, по месту образования; они называют такие чередования «автоматическими», но и их они поместили в морфонологию, где эти чередования утонули среди действительно морфонологических чередований. Получается порой непоследовательно: так, на с. 426 вводится понятие морфонема, и тут же внутриморфемное чередование *к/ц/ч* в «рука»/»руци»/»ручица» названо фонемой /к/.

Разумеется, право авторов – выбирать ту или иную фонологическую теорию, но следует быть последовательным и придерживаться выбранной концепции. Фонология нужна нам, чтобы легче объяснить какие-то факты языка, а не усложнять их. Чтобы не описывать все море звуков, нас окружающих, а дать только те которые работают или могут работать в данном языке, нам нужны фонемы, с них следует начинать. Неслучайно, что многие фонетические описания в дофонологическую эпоху начинались с описания письменности, потому что она давала представление о фонемах. Интересно отметить, что в традиции русской лингвистической школы понятие фонетики включает в себя и фонологию данного языка, поэтому многие известные работы современных русистов (напр. М. В. Панов, Л. Л. Касаткин), дающие фонологическое описание русского языка, называются «Фонетика русского языка». Напротив, обсуждаемая книга сербских авторов, названная ими «Фонология» содержит сравнительно небольшую часть собственно фонологического описания сербского языка при очень расширенном и детальном

описании фонетики. И даже в специальном разделе «Фонология» львиная доля внимания уделена морфемам и звукам (фонам), а не самим фонемам и функционированию как системы.

В данной книге читатель найдет обилие интересной и полезной информации о фонетике и грамматической морфемике сербского языка, большое внимание уделено заимствованной лексике, приводятся фонетические варианты лексем, представленных в различных диалектах. Авторы как бы задались целью доказать, что в сербском языке есть все, что он не хуже других, но при этом оказалось незаметной, в тени, специфика этого языка. Ведь не в этом дело, что уже появляются на конце слова группы согласных (в основном, в заимствованиях), а то, что сербский язык всегда старался избегать их. Об этом сказано в книге (с. 424), но тут же сообщается, что эта тенденция уже преодолена («преокренута»). Хотелось бы больше о специфике самой фонологической системы сербского языка: как здесь взаимодействуют гласные с согласными, кто доминирует, кто подчиняется; ведь в книге дана только дистрибуция фонем, при чем описаны возможные сочетания гласных и отдельно возможные сочетания согласных но вопрос о их взаимодействии не рассматривался. Хотелось бы больше и о тенденциях дальнейшего развития фонологической системы сербского языка, напр. о фонологическом статусе слогового вибранта, поскольку именно его присутствие придает такое своеобразие фонетическому облику сербского языка.

Таким образом, хотя в книге еще многие аспекты сербской фонологии не нашли своего полного отражения, однако данную монографию следует читать важным шагом на пути фонологического осмысления и описания системы сербского языка.

*Вера В. Борисенко-Свинарски**
Университет в Белграде
Филологический факультет
Кафедра славистики

* ohi07@mail.ru